

Пока стынет ужин

п о в е с т ь

Ольга Орлова

Ольга Орлова

"Пока стынет ужин"

«Автор»

2026

Орлова О.

"Пока стынет ужин" / О. Орлова — «Автор», 2026

«Пока стынет ужин» Лиза умеет держать всё под контролем. Работу, дом, себя. Год после потери — тоже. По крайней мере, снаружи. В три часа ночи она стоит на кухне, смотрит на остывший чай мужа и думает, когда именно между ними выросла стена. Потом падает в обморок у порога ванной. Приходит в себя в незнакомом лесу. В тапках с заячьими ушами. Изба с дымком из трубы. Женщина по имени Богдана — немолодая, прямая, без лишних слов. Кот Чур, который смотрит так, будто давно всё про тебя знает. И тишина, в которой почему-то можно наконец говорить правду. Повесть о том, что горе не у всех одинаковое. И о том, как много можно не замечать в человеке, который каждую ночь ставит тебе тапки у кровати.

© Орлова О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Орлова

"Пока стынет ужин"

Рассказ «Путешествие к себе»

Глава 1. Дом и привычки

Тишина ударила по ушам.

Елизавета открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, пытаясь понять, что ее выдернуло из сна. В спальне было темно, лишь тонкая полоска света от уличного фонаря пробивалась сквозь неплотно задернутые шторы, ложась на стену косой полосой.

Сон уходил.

Она чувствовала, как он стремительно тает, растворяется в темноте, оставляя после себя лишь влажный след на виске и странную пустоту внутри. Еще секунду назад там, во сне, было что-то важное. Что-то теплое и одновременно невыносимо болезненное. Она пыталась ухватиться за ускользающие образы, но они скользили сквозь пальцы, как вода.

Осталось только чувство.

Тягучее, щемящее, поселившееся где-то за грудиной. Не боль, но ее предвестник. Тоска.

- Господи, - выдохнула Елизавета в темноту. Голос прозвучал глухо и хрипло. – Да когда же уже кончится-то? Сколько можно?

Она не ждала ответа. Она вообще не привыкла ждать. Слова повисли в воздухе, не встретив ни поддержки, ни возражения. Рядом, свернувшись калачиком, спал Игорь. Его дыхание было ровным и глубоким, а во сне он казался еще более круглым и беззащитным, похожим на медвежонка, который залез в берлогу до весны. На тумбочке с его стороны горел маленький красный диод – он забыл выключить графический планшет. Лиза уже хотела потянуться, чтобы нажать кнопку, но передумала. Пусть. Ей нравилось, что эта красная точка всегда горит, как сигнал, что он рядом.

Лиза бесшумно спустила ноги с кровати и сразу нащупала ступнями тапки, которые Игорь каждую ночь аккуратно ставил у ее стороны. Она сунула в них ноги – пушистые, теплые, с заячьими ушами, которые он же ей и купил прошлой зимой, когда она жаловалась на холодный пол. В принципе только он мог купить ей такие дурацкие тапки, ни к чему ей не подходящие. Но это в нем она тоже любила, что он видит ее по-своему. Она вечно куда-то неслась, даже в собственном доме, но тапки стояли на месте. Он всегда о них помнил.

Она двигалась по квартире так, словно всегда опаздывала: ноги выносили ее вперед раньше, чем тело успевало сообразить, куда именно. На ходу она поправила сползшую с дивана накидку, на ходу заглянула в ванную, чтобы приглушить капающий кран, на ходу прошла на кухню.

На кухне было прохладно и пахло вчерашним ужином. Лиза открыла кран и подставила чайник под струю воды. Звук льющейся воды в ночной тишине показался ей оглушительным, но она не остановилась. Ей нужно было чем-то занять руки.

Она вообще не умела сидеть без дела. На работе, в огромном здании на окраине города, где предприятие насчитывало пятьсот сотрудников, а в ее HR службе было пятнадцать человек, ее шаги отдавались эхом в коридорах, а голос звучал так, что даже бывалые начальники вздрагивали, когда она входила в кабинет. Там, в мире строгих костюмов и выверенных фраз, она была Елизаветой Павловной – собранной, угловатой, с глубоко посаженными серыми глазами и профилем, который она втайне считала слишком хищным.

Здесь, на кухне, в старой футболке и растянутых трениках, она была просто Лизой, которая не могла найти покой посреди ночи.

Город за окном спал. Маленький провинциальный городок, где все друг друга знают, где новости разносятся быстрее, чем официальные документы проходят согласования, где окна напротив гаснут уже за полночь. Лиза иногда думала, что, если бы не Игорь, который работал дома, рисовал свои дизайны на заказ и всегда был рядом, она бы сошла с ума в этой тишине.

Глава 2. Муж и общая тишина.

Чайник уже закипал, когда в дверях кухни показался Игорь. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и шурил свои серые, такие же, как у нее, глаза. Рыжие кудри торчали во все стороны, делая его похожим на одуванчик. Он был мягким, круглым, текучим – полная противоположность ее угловатой, стремительной натуре.

- Опять? – спросил он сонно.

Лиза не обернулась. Она смотрела на закипающую воду, на пузырьки, которые поднимались со дна и лопались на поверхности.

- Кран разбудил, - ответила она, хотя они оба знали, что это неправда. Он капал всегда, сколько они здесь жили, и давно уже никто не обращал на это внимания.

Игорь ничего не сказал. Он подошел, обнял ее со спины, уткнувшись носом в макушку. Десять лет брака – он делал так всегда, когда она не спала по ночам.

Лиза замерла на секунду. Раньше в этом жесте было тепло, обещание, что он рядом и все выдержит. Сейчас она почувствовала только тяжесть его рук на своих плечах. Или ей только показалось? Она уже не различала.

Она разлила кипяток по двум кружкам. Себе – любимую, с треснувшей ручкой, которую никак не могла выкинуть. Игорю – новую, с дурацкой надписью «Лучший арт-директор этого дома». Это ему подарили заказчики полгода назад, и он тогда три дня ходил счастливый, как ребенок.

- Чай будешь? – спросила Лиза, хотя уже бросила в его кружку пакетик.

- А какой выбор? – уголок его губ дрогнул в привычной улыбке.

Она ничего не ответила. Раньше эта их игра – «никакого выбора» - казалась забавной. Теперь она слышала в ней что-то другое. Усталость? Покорность? Или просто привычку, которая заменяет живое, когда живого уже не осталось.

Игорь сел за маленький кухонный стол, пододвинув к себе чашку. На столе рядом с его локтем лежал блокнот с набросками, он везде его таскал с собой, рисовал в очередях, в машине, пока ждал ее с работы. Сейчас блокнот был открыт на странице с быстрым скетчем: женская фигура, угловатая, стремительная, ноги впереди тела. Не глядя, он перевернул страницу.

Она заметила. Раньше бы улыбнулась, может, даже поддела его. Сейчас она сделала вид, что ничего не видела, и села напротив.

Они пили чай в тишине. Не в той напряженной тишине, когда хочется кричать, но и не в той теплой, когда слова не нужны. В пустой. Как будто между ними, поперек стола, выросла невидимая стена. Он ставил ей тапки у кровати каждую ночь. Он вставал к ней, когда слышал, что она не спит. Он обнимал ее так же, как десять лет назад.

Но Лиза чувствовала: все это – по привычке. По инерции. Как механизм, который заведен давно и продолжает работать, даже когда внутри что-то сломалось.

Она знала, что этот сон присниться снова. Он приходил всегда, когда тишина становилась слишком громкой. Ровно год назад они решили, что готовы. Ровно год назад мир сузился до размеров УЗИ-аппарата, до черно-белого экрана, где должна была биться крошечная точка.

Точка замерла. А Лиза тогда оказалась на грани, слыша сквозь пелену, что ее куда-то везут. Она выкарабкалась. А вот тот, другой – нет.

И теперь он приходит к ней по ночам. Не лицом, не голосом – просто чувством.

Тоской, которая оставалась, когда сон таял, как вода сквозь пальцы.

- Иди спать, - тихо сказал Игорь. – Завтра тяжелый день.

- У меня все дни тяжелые, - ответила она, и эти слова, которые раньше были бурчанием, теперь звучали как констатация факта.

Он кивнул, допил чай и пошел в спальню. Она осталась сидеть на кухне, глядя на его пустую кружку с дурацкой надписью, и пыталась понять, когда между ними выросла эта стена. И есть ли она на самом деле или только в ее голове, уставшей от бессонницы и тоски. И все чаще в последнее время ловила себя на мысли: они стали чужими. Не врагами, нет. Не людьми, которым есть что делить. Просто – чужими. Как соседи в коммунальной квартире, которые знают все привычки друг друга, но давно уже не заходят в гости. Только форма без содержания. И она не понимала – то ли он изменился, то ли она разучилась чувствовать.

Она не знала. И, кажется, боялась узнать.

Глава 3. Инцидент

Лиза сидела на кухне, глядя на пустую кружку Игоря, и чувствовала, как внутри нее разрастается что-то тяжелое и горячее.

Мало того что этот сон. Опять. Каждый раз одно и то же – тоска, которая остается, когда ничего уже не помнишь. Так и живешь с этой дырой внутри, как с постоянной зубной болью, к которой вроде привык, но которая никуда не девается.

А теперь еще и эти мысли. Про Игоря.

Почему он ушел? Он ведь видел, что ей плохо. Видел, что она не спит, что сидит здесь одна посреди ночи. Он всегда видел. Раньше. А теперь что? Поставил тапки, обнял по привычке, сказал «иди спать» и ушел. Сказал дежурную фразу и закрыл вопрос.

Она сжала кружку так что побелели пальцы.

Одиночество накатывало медленно. Но неумолимо, как прилив, который не остановить. Она вдруг с ошеломляющей ясностью поняла: никто не понимает. Никто не чувствует этой боли. Даже Игорь.

Особенно Игорь.

Она понимала – где-то в глубине, куда сейчас не добраться, что это не справедливо, что он вставал к ней ночью. Что тапки стояли на месте. Что он обнимал так же, как десять лет назад. Но боль не умеет быть справедливой, Боль выбирает ближайшего.

Для него все это уже было в прошлом. Год прошел – ну, значит, пора забыть, двигаться дальше. Он не понимал, что для нее этот год не прошел. Он застыл. Она все еще была там. В палате. И никак не могла понять, почему это произошло с ними? Что они или только она сделала не так?

Злость пришла неожиданно. Она вспыхнула где-то в груди, там, где еще минуту назад была только тоска, и мгновенно разлилась по телу, обжигая, заставляя сжаться в комок. Глаза защипало, но это были не слезы. Слез не было. Была ярость. И ненависть. К нему. К себе. К этой жизни, где она одна, всегда одна, даже когда рядом кто-то есть. Ей хотелось провалиться немедленно сквозь землю. Чтобы больше не чувствовать. Не быть.

Лиза резко встала. Стул с грохотом отъехал назад, но она не обратила внимания. Ей нужно было умыться. Холодная вода. Привести себя в чувство. Смыть эту дурацкую тоску, эту злость, эту жалость, которая делала ее слабой.

Она шагнула к ванной. Нога скользнула на пороге. Темнота – не та, что за окном, а другая, плотная, вязкая, накрыла ее раньше, чем она успела вскрикнуть.

Глава 4. Путь в никуда

Она лежала на чем-то твердом и холодном. Земля. Она чувствовала запах земли, прелой листвы, и еще чего-то острого, пряного, незнакомого.

Лиза открыла глаза.

Над ней было небо. Не темное ночное небо с редкими звездами, какое она видела из окна своей кухни. Это небо было огромным, глубоким, синим-синим, с облаками, которые неслись так быстро, что кружилась голова. И солнце. Яркое, почти летнее, хотя она точно помнила, что на дворе глубокая осень и скоро зима.

Она села, обхватив себя руками за плечи, и огляделась.

Вокруг был лес. Не тот жалкий парк на окраине города, где по выходным гуляли с собаками. Это был настоящий лес – огромные деревья, стволы которых в обхват не взять, ветви, уходящие высоко в небо, густой подлесок, пахнувший хвоей и грибами. Где-то вдалеке пела птица странно, протяжно, не так, как поют птицы дома.

А чуть дальше, между стволами, она увидела избу с резными наличниками, с высоким крыльцом, с дымком, который вился из трубы тонкой струйкой.

Дымок был ровным, спокойным. Как будто там, внутри, кто-то ждал.

Лиза сидела на холодной земле, в старой футболке и растянутых трениках, в тапках с заячьими ушами, и смотрела в ошеломлении на избу.

Она не понимала, где находится. Она не понимала, что случилось. Но где-то глубоко внутри, там, где еще минуту назад полыхала злость и тлела тоска, вдруг стало тихо. Совсем тихо. Как перед чем-то важным.

- Дожились – подумала она, и медленно поднялась на ноги и сделала шаг к избе.

Она сделала шаг. Потом второй.

Земля под ногами была мягкой, пружинистой, покрытой толстым слоем прошлогодней листвы и хвои. Тапки с заячьими ушами промокли почти сразу, Лиза почувствовала, как холодная влага просачивается сквозь ткань, обжигая ступни. Она шлепала по лесу в дурацких домашних тапках, в растянутой футболке и трениках, и эта абсурдность происходящего вдруг ударила в голову, заставив остановиться.

Она в недоумении обернулась.

Позади был лес. Такой же густой, такой же древний. Никакой кухни, никакого коридора, никакой двери, через которую она бы могла вернуться. Только деревья, солнце в ветвях и далекий птичий крик.

Лиза глубоко вдохнула. Потом выдохнула. И медленно, методично, как учили на тренингах по стресс-менеджменту, перебирала варианты.

- Мда, и так, что, происходит? «Обморок?» — вслух спросила она лес. Лес, как ни странно, не ответил. А жаль.

Она упала в обморок у себя на кухне. И сейчас видит сон. Яркий, необычный, но абсолютно реалистичный сон, потому что организм решил таким образом наградить ее за бессонную ночь и приступ жалости к себе.

- Очень вовремя, - сказала она вслух.

Голос прозвучал глухо, потерялся в лесной тишине и не вернулся эхом. – Спа-си-бо, мозг – произнесла она по слогам.

Но, с другой стороны, размышляла она, она слишком хорошо знала свои сны. Даже те, другие, которые приходили по ночам и оставляли после себя тоску, никогда не содержали в себе столько деталей. А здесь... здесь она чувствовала холод мокрых тапок.

Сны так не пахнут.

- Угу, дальше какие варианты? Психушка? – продолжила она, наступая на упавший сук. Сук хрустнул. Громко, сочно, по – настоящему.

Игорь вызвал санитаров. Они приехали, увидели, что она стоит в ванной и смотрит в одну точку, сделали укол, и теперь она лежит в палате с мягкими стенами и ей мерещится всякая чертовщина.

Она почти усмехнулась. Почти.

Он не заметил.

А в ванную он заглянет только перед созвоном с заказчиками. А это обычно около тринадцати. К тому времени она могла бы окоченеть на кафельном полу.

- Черт, - выдохнула Лиза.

Она остановилась, обхватив себя руками за плечи. И прислонилась к дереву лбом. Смерть. Самый простой вариант. Она упала, ударилась головой о косяк или о край ванны, и теперь она...где? В чистилище? В раю? В аду?

Но, вроде, в раю не бывает мокрых тапок и грязных ног. А в аду не бывает такого неба – синего, глубокого, почти ласкового.

- Правда откуда я знаю, как бывает в раю или в аду? «Может и бывает?» — вслух спросила она лес. Лес снова ей не ответил. – Может, в раю специально дают мокрые тапки, чтобы душа не расслаблялась? Или в аду – красивое небо, чтобы мука была острее на контрасте?

Она помолчала, обдумывая свои же слова.

- Глупости, конечно. Никто не знает.

Она сделала глубокий вдох. Легкие наполнились воздухом – холодным, смолистым, живым. Она чувствовала, как сердце стучит где-то в груди, как кровь пульсирует в висках, как

ноги замерзают в мокрых тапках. Все это было слишком телесным, слишком настоящим для того, что должно происходить после смерти.

Вроде бы после смерти не должно быть тела. Душу же не колотит от холода? Или колотит? Она не знала.

Она помолчала, присушившись к себе. В животе урчало – она не ела с вечера.

- Ладно, - сказала она, отлипая от дерева. – Если это смерть, то она гораздо более дурацкая, чем я себе представляла. Тапки с зайцами – это конечно не то, в чем я хотела бы предстать перед высшими силами. Да, треггирят они меня сильно, конечно, но босиком идти еще хуже.

Глава 5. Фантазии.

Она шла и думала о нем, об еще одном варианте. О том, что с детства зачитывалась фэнтези. Толстые книги в потертых обложках, которые она прятала под подушку, чтобы мать не ругалась: «Нашла время, лучше бы уроки учила». А она и учила. Но в перерывах между химией и алгеброй она была то эльфийской принцессой, то отважной воительницей, то простой девушкой, которую судьба забрасывает в другой мир, и она обязательно всех спасает, а заодно находит любовь.

Потом книги кончились. Или она выросла. Или просто перестала верить, потому что в реальной жизни герои, готовые все за тебя решать, встречались только в отчетах по кадрам, и у них всегда были проблемы с алкоголем или с алиментами. А те, кто смотрел только на нее, оказывались мягкими, круглыми, тягучими, как Игорь.

Она почти рассмеялась. Спасибо, дура! Она взрослая тетя, руководитель HR службы, которая проводит собеседования и увольняет людей, идет по лесу в тапках и размышляет не попала ли она в другой мир?!

- Да потому что это безумие, - сказала она себе. – Это абсолютное безумие. Но уверенности уже ни в чем не было. Может и безумие тоже.

Изба была уже близко. Она видела разные наличники – не те, дешевые, из ДСП, какие сейчас вешают в деревнях, а настоящие, с затейливой вязью, вырезанной, кажется, вручную. Видела крыльцо с высокими ступенями, перилами, украшенными конскими головами. Видела дверь – тяжелую, дубовую, с кованой ручкой в виде кольца.

И дымок. Все тот же ровный, спокойный, приглашающий.

- Допустим, - прошептала она, делая последний шаг к крыльцу. – Допустим, я попала в другой мир.

Она поставила мокрую ногу в тапке на первую ступеньку. Дерево под ногой не скрипнуло, а как будто вздохнуло – глубоко, низко, как живое.

- Тогда, где мой проводник? – спросила она вслух. – Где моя великая миссия? Где красавчик с пронзительным взглядом, который готов пройти эту миссию со мной и понимать, что у меня на душе без слов?

Она поднялась на крыльцо, протянула руку к кованному кольцу, но не тронула его. Замерла, прислушиваясь.

Из-за двери не доносилось ни звука. Но она чувствовала – там кто-то есть. Живой, настоящий. И этот кто-то ждал.

- Ладно, - сказала Лиза, и в голосе ее прозвучало что-то забытое последнее время. Не усталость. Не тоска. А тот самый вызов, который она бросала своей судьбе в сложные времена. – Давай посмотрим.

Глава 6. Знахарка.

Дверь поддавалась неожиданно легко. Лиза ожидала скрипа, тяжести, может быть, даже сопротивления как в старых фильмах ужасов. Но тяжелое дубовое полотно бесшумно отворилось от ее прикосновения, и она шагнула внутрь.

Изба оказалась внутри гораздо больше, чем снаружи. Не огромной, просто обжитой. Такой, где у каждой вещи было свое место и своя история. Под потолком висели связки трав, у печи сушились чьи-то детские варежки, на лавке лежала недошитая рубаха, а у окна в глиняной миске мокли какие-то темные ягоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.